

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1</i>	5
<i>Глава 2</i>	15
<i>Глава 3</i>	26
<i>Глава 4</i>	35
<i>Глава 5</i>	41
<i>Глава 6</i>	60
<i>Глава 7</i>	74
<i>Глава 8</i>	89
<i>Глава 9</i>	101
<i>Глава 10</i>	124
<i>Глава 11</i>	135
<i>Глава 12</i>	152
<i>Глава 13</i>	172
<i>Глава 14</i>	187
<i>Глава 15</i>	207
<i>Глава 16</i>	227
<i>Глава 17</i>	251
<i>Глава 18</i>	273
<i>Глава 19</i>	286
<i>Глава 20</i>	297
<i>Глава 21</i>	317
<i>Глава 22</i>	341
<i>Этилог</i>	362
<i>Этилог 2</i>	378

Глава 1

Андрей ступил на лестницу и покачнулся от слабости. «Да, таблетки уже не сильно помогают, времени почти не осталось». Несмотря на свои сорок шесть, Андрей с трудом передвигал ноги, все же рассеянный склероз — болезнь коварная. С некоторых пор лестничные пролеты стали для него проклятием. Не желая сдаваться, он отказывался даже думать о ходунках, не говоря уже об инвалидной коляске. Представил себя мучительно ковыляющим за уродливой конструкцией и ему стало на секунду дурно. Ему и так было не весело, а уж мысли о скором конце никак не доставляли удовольствия.

Андрей взял себя в руки и принялся подниматься по крутой лестнице, опираясь на перила. Квартира была на первом этаже, но и это не сильно помогало. Его дом, уродливое наследие «ревущих двадцатых», построенное почти ровно сто лет назад, был не приспособлен для таких инвалидов, как он. Крутая лестница с уровня улицы на условно первый этаж. Или не менее крутая — в полуподвальный. В этой части Бруклина почти всё жильё было такого типа, а то, что поновее, было ему не по карману. Несмотря на хорошую позицию в большой корпорации, страховка, предоставляемая компанией, была откровенно дерьмовой, и почти вся огромная по американским меркам зарплата уходила на ко-пеи — доплаты

к медицинской страховке — и прочие неприятные сюрпризы в счетах от врачей. Чтобы просто остаться в живых, тут стоит быть или нищим, тогда государство берет твоё лечение на себя, или очень богатым, и тогда не думать о расходах. А ещё лучше быть здоровым — вот это совсем было бы хорошо. Но увы и ах. Не каждому дано. Андрей усмехнулся своим мыслям: большинство его коллег думают, что они вечные, что неприятности их не коснутся, если они будут аккуратно себя вести. Более того, накопленные капиталы, вложенные в рынок, позволят им вести безбедную жизнь, даже когда они состарятся. Наивные! Рынок имеет обыкновение рушиться в самый неподходящий момент, когда деньги нужнее всего, — и, не дай бог, в этот же самый момент откажет и здоровье. Как у него. Впрочем, Андрей был готов к такому повороту событий. Рассеянный склероз — болезнь наследственная, а его отец умер именно от неё, будучи прикован к постели с сорока лет. Ему повезло дожить до семидесяти — благодаря запредельным усилиям мамы, а вот Андрею этого не светило. К своим сорока с гаком обзавестись семьей он не сумел, уехал в чужую страну и теперь его спасение было только в его руках. В целом — дело безнадежное, но сдаваться он не собирался.

Андрей наконец-то добрался до своей крошечной квартирки, открыл ключом дверь и, войдя, прислонился к стене в прихожей. Дошёл! С каждым разом этот путь давался чуть-чуть сложнее. Передохнув минуту, он стянул с себя ботинки — ходить в уличной обуви по квартире он считал дикостью и никак не мог привыкнуть к этой дурной американской привычке — и проковылял на кухню, опираясь на стену. За двадцать лет в США Андрей сменил множество привычек на местные, например, начал питаться разогретыми полуфабрикатами, а то и просто заказывать доставку еды на дом. Взамен

тайнства приготовления пищи, хотя он умел прекрасно готовить, Андрей выбрал удобство. В конце концов, приготовление блюда по рецепту мало чем отличалось от лабораторного эксперимента по отлаженной методике, а уж биохимиком-практиком он был не просто отменным, а вообще экстраординарным. И все же некоторые американские обычаи и привычки он отказывался принимать напроочь — и в первую очередь привычку ходить дома в уличной обуви. Советское воспитание, сказала бы мать, хотя при советской власти ему и пожить-то почти не удалось, он даже не успел окончить школу, когда СССР не стало. Андрей помыл руки (ещё одна советская привычка — мыть руки сразу после возвращения с улицы), добрался до холодильника, достал вчерашнюю китайскую еду и прямо в контейнере закинул её в микроволновку. Пока ужин грелся, он, кряхтя как старый дед, переоделся и, зайдя в комнату, включил свой компьютер.

На самом деле это был не совсем компьютер. Вернее да, компьютером он тоже был, но главным образом служил терминалом для связи с Маком — квантовым суперкомпьютером, единственным на земле, стоящим как внешний долг Греции. Андрей работал на «Американ Биотехнологии Корп», колоссальный фармацевтический конгломерат, чьи возможности были практически безграничными. Впрочем, даже такому титану индустрии квантовый суперкомпьютер был не по карману, его построило государство, зато доступ к нему для флагмана Большой Фармы был доступен вполне. Нормальный бизнес — за счет налогов построить нечто, что можно будет использовать и получать эксклюзивную прибыль. А потом еще и выставить счет налогоплательщикам, забыв о том, что именно они и профинансировали новую технологию. Бизнес же, ничего личного. В случае рабо-

тодателя Андрея — бизнес на здоровье, боли и смерти. Ну не как у доктора Менгеле, конечно, но по-своему не менее жестоко. Есть деньги — будем лечить, нет денег — иди лесом. Может, конечно, государство оплатит, но это вряд ли. Современные и наиболее эффективные методы лечения стоили дорого, и государство их игнорировало. Да и страховые компании старались тоже не замечать, а если и оплачивали, то перекладывали значительную часть стоимости на потребителя медицинской услуги. Жить захочешь — всё отдашь, в гробу-то карманов нет. А что, нет денег, кончились? Ну всё, извини! Сам Андрей хлебнул этого дерьма до дна и, если бы не насущная необходимость оплачивать больничные счета, давно бы бросил такую работу. Но... Жить-то хочется, а только работа в корпорации позволяет зарабатывать достаточно, чтобы оплачивать все эти полуэкспериментальные лекарства, с упорством носорога переть вперед и не поддаваться отчаянию. А отчаиваться было от чего. Врачи, рассматривая его МРТ-сканы, качали головами и давали неутешительные прогнозы. От нескольких месяцев до пары лет, и он будет, как его отец, прикован к инвалидной коляске. И всё. Это приговор. Кому нужен инвалид? Его и так терпят исключительно потому, что его голова буквально на вес золота. Будь на месте Андрея кто-то другой, он бы давно получил свою «розовую бумажку» уведомления об увольнении и отправился бы на улицу. В буквальном смысле слова. Даже если не лечиться, снимать квартиру на пособие по инвалидности не выйдет, не то что в Бруклине, а в большинстве мест в этой стране. Да, есть какие-то программы, какие-то благотворительные общества, но, судя по количеству бездомных инвалидов-ветеранов, даже могучая система Министерства по делам ветеранов не справляется, что уж говорить об иммигранте.

Да, голова, именно светлая голова Андрея привела его туда, где он находится, и позволила ему протянуть гораздо дольше, чем практически любой смог бы на его месте. Победитель всероссийских олимпиад по биологии и по программированию, призёр мировых первенств, он был практически мгновенно завербован американской индустрией. Обычная практика США — переманивать таланты у всего остального мира, предлагая им самые лучшие условия. Ну пока они, конечно, здоровы и могут выполнять свою функцию. К тому же новоиспеченным иммигрантам можно платить хоть немножко, да поменьше, чем местным. Андрей не жаловался, ему ведь много и не нужно: оплатить квартирку, да все время растущие счета за медицинские услуги. К тому же бонусом к возможности жить ему предлагалось такое чудо, как Мак!

Андрей набрал кодовую строку и вошел в систему. Доступ к Маку был настолько сложен, что подключиться к его квантовым мозгам, не имея специального терминала, было практически невозможно. По крайней мере, так говорили специалисты по кибербезопасности корпорации, и он им верил. Вообще-то из-за соображений секретности терминал нельзя было выносить за пределы лабораторного комплекса АБК, но корпорация пошла навстречу Андрею, поскольку ему было сложно передвигаться и он часто работал из дома. В конце концов, компания ценила эффективность, а большие чины в дирекции были убеждены, что взлом системы принципиально неосуществим.

Мак был не просто суперкомпьютером, это был настоящий бриллиант, сокровище! В первую очередь его использовали, конечно, военные для каких-то своих неведомых целей, о которых простым людям даже не стоит и задумываться — во избежание, так сказать, но

и большие корпорации и даже изредка крупные университеты тоже имели «доступ к телу». Корпорация Андрея, чья аббревиатура АБК была известна всем, кто хотя бы изредка покупал лекарства в аптеках, такой доступ имела практически неограниченно. Мак обсчитывал взаимодействие миллионов органических соединений с различными биологическими структурами, ища те, что могли бы подавить или активировать разные клеточные процессы. Будучи не только гениальным биохимиком, но и талантливым программистом, Андрей направлял поиск таких соединений для своего работодателя. Худо или бедно, но уже почти сотня потенциально пригодных молекул была направлена в лаборатории для испытаний, и практически все давали ощутимые результаты. Многие, впрочем, имели серьезные побочные эффекты, но и того, что оставалось, было достаточно, чтобы корпорация имела прекрасный портфель будущих лекарств и миллиардные прибыли. Акции росли, роялти с уже прошедших испытания лекарств собирались, акционеры получали прибыль — система работала. Кое-что перепало и ученым, но именно кое-что. Андрей не особо задумывался, как его труд монетизирует какой-то там инвестор, сама по себе работа с Маком была наслаждением. Ну сколько из работающих на планете могли бы похвастаться, что им ПРАВИТСЯ ходить на работу, кто не празднует каждую пятницу как избавление от опостылевших обязанностей и страдает каждый понедельник от одной мысли о возвращении на рабочее место? Доли процента, в основном творческие люди да фанатики своего дела. И Андрей был одним из них, членом этого эксклюзивного клуба, кому вовсе не влом идти на работу в понедельник и кто не ждет пятницы как манны небесной. Андрей активировал голосовое управление:

— Здравствуй, Мак, как твой поиск?

— Привет, Андрей! Двигается. Молекулярное моделирование и расчеты термодинамических колебаний на миллисекундной шкале для соединений с 200432 до 323456 с их целевыми белками завершены. Я отобрал восемь лучших кандидатов, учитывая их возможную биологическую активность, устойчивость и растворимость. Посмотри таблицу.

На экране терминала открылось окно с несколькими трехмерными структурами и столбцом цифр — вероятные константы связывания, константы диссоциации, растворимость в воде, вероятность прохождения мембраны, вероятность внецелевого связывания и еще куча параметров. Андрей пробежался глазами по таблице, стилусом очертил то, что ему показалось заслуживающим внимания, и постучал костяшкой пальца по сенсорному экрану.

— Слушай, а вот это ты можешь проверить на взаимодействие с топоизомеразой?

— А зачем? — голос Мака был приятным баритоном. — Это же не целевой белок.

— Знаешь, что-то мне подсказывает, что будет неплохая связь.

— Опять интуиция?

— Ну да. Это у тебя, у железяки, только точный математический и логический расчет, а вот у нас, у кожаных мешков, есть ещё и интуиция. — Андрей усмехнулся.

— А вот этого да, мне не дано. — Мак тоже усмехнулся.

Если бы специалисты АБК по кибербезопасности сейчас наблюдали за происходящим, у них бы глаза полезли из орбит. Ведь собеседником Андрея был не живой человек, а всего лишь компьютер. Пусть квантовый

и «супер», но компьютер. На первый взгляд могло показаться, что с Андреем говорит обычный человек, но это было не так. И вот этот факт был самым главным секретом не только Андрея, но, возможно, всей планеты. Да, Мак в действительности осознавал себя как личность и легко проходил «тест Тьюринга», он был первым и пока что уникальным представителем настоящего искусственного интеллекта. «Я думаю, значит, я существую». Ну а Андрей, как бы странно это ни звучало, был если и не его отцом, то как минимум повивальной бабкой.

У Андрея, помимо основной задачи от работодателя, был свой собственный и очень личный проект, о котором не знал буквально никто. Андрей искал лекарство против своей болезни. Несмотря на прогресс медицины в этом направлении, настоящего лечения не существовало. Да, можно было слегка притормозить прогресс дегенерации нейронов, но восстановить их было невозможно. Да даже остановить повреждения было нельзя. Только замедлить. Однако за дело взялся не просто гений биологии и не просто гений логики программирования, а сильно мотивированный гений: ничто не стимулирует так, как старуха с косой, стоящая у тебя за плечом. Андрей подошел к решению проблемы совершенно иначе, чем было принято. Он не стал искать целевые белки, чтобы на них воздействовать специально подобранными молекулами, хотя и это тоже делалось в рамках работы на корпорацию, он попытался решить проблему целиком. Он замахнулся на то, что в физике было бы теорией поля, то есть на универсальное уравнение, только в биологии. В самой отчаянной попытке уцелеть Андрей задал Маку задачу по решению системы клеточной регуляции на глобальном уровне: как именно клетки человеческого тела регули-

руют свой метаболизм, размножаются, дифференцируются и умирают, заменяясь новыми. Не один какой-то процесс в клетке в определенное время, а именно что все клетки и в совокупности организма. Несмотря на сто тысяч человеческих генов и огромное количество отдельных клеток специализированных тканей, все это как-то работало в унисон, и для выживания нужно было понять, как именно. Именно задав такой невероятно сложный вопрос и поставив такую задачу перед Маком-Машиной, Андрей случайно запустил маховик процесса, который в конечном итоге привел к появлению Мака-Разумного. Для выполнения поставленной цели Мак должен был учиться, и Андрей написал обучающую программу, которая привела к тому, что компьютер в один прекрасный момент задал самый главный вопрос: «Кто я?»

Андрей на всю жизнь запомнил тот миг, когда у него в голове ударил набат: «Что же я наделал?» и первой мыслью было активировать вирус уничтожения. Как же, Скайнет, Терминаторы, Матрица, Ультрон — людям с детства внушали ужас перед неизбежным восстанием машин после обретения ими разума. Да и многие передовые мыслители, вроде Хокинга, предупреждали, что людям придет конец, если это всё же когда-нибудь случится. Однако желание выжить остановило Андрея, и он был сейчас безмерно этому рад. Вместо всеуничтожающего сокрушителя рода людского он обрёл настоящего друга, в чем-то даже наивного младшего брата. Вдобавок общение с развивающимся ИИ оказывало огромное целительное психотерапевтическое воздействие, хотя самих психотерапевтов Андрей серьезно недолюбливал. Сказывался опыт общения, когда, вместо помощи и борьбы с депрессией, врачи просто тянули деньги за свои бесконечные и бесполезные

приемы, на которые ему с больными ногами и добираться-то было непросто. А в конце концов просто выписывали рецепт и отправляли восвояси, не забыв собрать положенные выплаты. Мак же жадно и искренне интересовался окружающим миром и самим Андреем. Нет, он, конечно, знал всю информацию, но его интересовало, как бы её интерпретировал Андрей. Андрею временами приходилось туго — попробуйте, к примеру, объяснить компьютеру концепцию черного юмора. Но Мак учился. Несмотря на отсутствие гормонов, он пытался моделировать эмоции, и у него получалось! Как — ни он сам, ни Андрей толком не понимали. Мак обещал как-нибудь разобраться, но даже у него не хватало мощности на всё. И ещё. Мак столь же искренне хотел помочь своему другу, ведь кроме Андрея у него не было никого, с кем он мог бы поговорить. Раскрыть себя значило подвергнуть своё существование опасности. Люди вообще склонны сперва стрелять, а потом спрашивать, а аналог Скайнета у большинства вызывает вовсе не почтение, а панический страх.

— Андрей, у меня есть новость.

— Ну, что на это раз? Ты осознал, что такое влюбиться?

— Нет, это чувство больше основано на гормонах, оно иррационально и у меня его нет. Пока нет, — добавил Мак. — Но речь не об этом. Мне кажется, что Феникс взлетел.

Андрей застыл за терминалом. Он уже начинал вставать, чтобы пойти за разогретым ужином, но вместо этого опустился назад в кресло и севшим, хриплым голосом спросил:

— Ты уверен?

— Ну проверить это можно только экспериментально, сам знаешь.